

Полоз Рада Михайловна

Воспоминания

Моя мама во времена гражданской войны на Украине еще совсем молодой женщиной была оставлена в Киеве в подполье во время занятия города войсками Деникина. Там она проявила достаточно смелости и выдержки.

Однако уже в 1927 году, будучи в Харькове, она была исключена из партии за несогласие с партийной политикой Сталина. В 1928 году она была выслана в Астрахань, где продолжала активную оппозиционную работу, затем ее выслали в Челкар (Казахстан).

Мне тогда было 4 года, и я оставалась на руках бабушки под опекой отца, бывшего в то время наркомом финансов Украины. В 1930 году отец приезжал в Челкар и убеждал маму отказаться от оппозиционных взглядов, подписать «отречение» (как тогда это называлось) и вернуться к дочери. После долгих колебаний мама согласилась с его доводами и присоединилась к очередному письму ссыльных с отказом от оппозиционных взглядов.

В это время отца перевели на работу в Москву, и вся семья поселилась в «доме на набережной».

В Москве я постепенно начала забывать украинский язык. Я училась в русской школе, общалась с русской бабушкой и ее окружением.

В январе 1933 года маму опять арестовали. Она проходила по групповому делу Ивана Никитьевича Смирнова.

О реабилитации группы И.Н. Смирнова и в том числе Мягковой Татьяны Ивановны я узнала из сообщения Комиссии Политбюро ЦК КПСС в «Правде» № 152 от 31 мая 1990г.

Арестовали маму ночью, меня не трогали и когда я, проснувшись, стала ее звать, подошел отец и объяснил, что мама заболела, и ее увезли в больницу. Этой версией мамино исчезновения мне долго морочили голову, и я этому верила.

Но, когда в январе 1934 года арестовали отца (как украинского националиста, стремившегося создать Украинскую буржуазную республику, а также подготовлявшего убийство Сталина, Постышева и др.) пришлось бабушке со мной объясняться.

Бабушка стремилась воспитать во мне любовь и уважение к родителям, и одновременно любовь и уважение к Советской власти. Задача трудная, но она сумела ее выполнить. В доме часто повторялось принятое тогда: «Лес рубят – щепки летят».

После ареста отца остались: бабушка, тетя (мамина сестра) с сыном и я. Из этого дома нас выселили. Но времена были еще не так жестоки. Бабушке дали квартиру в районе Шаболовки, где мы с братом и выросли.

Бабушка искренне верила, что Сталин не знает о размерах репрессий.

Я росла нормальным советским ребенком, пионеркой, комсомолкой, дружила с ребятами из рабочих семей т.к. район наш был заводским. Единственно, чего бабушка не смогла мне внушить – это уважения к Сталину. Я его не любила не только из-за судьбы родителей, но и за бесконечное славословие в его адрес. Я понимала, что при желании он может моментально это пресечь. Значит, не хочет. В школьные годы порой я просто выдерживала штепсель серой тарелки громкоговорителя.

Отца осудили на 10 лет и отправили на Соловки. Переписку с нами не разрешили.

Маму отправили в Верхнеуральский политизолятор на 3 года. Оттуда она писала нам каждую неделю. Она интересовалась всеми подробностями моей жизни. Ее влияние на формирование моих взглядов было велико.

В детстве родители предполагали, что из меня получится писатель и мама в письмах упорно внушала мне мысль о том, что необходимо участвовать в общем строительстве страны и параллельно быть писателем. Только в этом случае писатель будет ценным человеком. В качестве примера приводился Чехов (писатель и врач), впоследствии эти нравоучения

выработали во мне твердое решение окончить технический ВУЗ.

В 1936 году маму выпустили из политизолятора и отправили в ссылку в Уральск. К счастью бабушка сразу собралась и поехала повидаться с мамой.

Меня она обещала отправить к маме после окончания учебного года. Бабушка пробыла у мамы две недели. Это оказалось последней радостью в маминой жизни. Через несколько дней после отъезда бабушки, маму перевели в Алма-Ата. Здесь она вновь мыкалась в поисках работы и комнаты пригодной для нашей с ней жизни. В конце концов, не найдя комнаты, она поселилась в комнате ссыльного археолога, который на лето уезжал в экспедицию по Казахстану. Мне взяли билет, нашли попутчиков и дали телеграмму о моем выезде. Но условленного ответа не получили. На вторую телеграмму с оплаченным ответом последовало: «Адресат не проживает». Билет был сдан. Мама исчезла. Мне не суждено было познакомиться с мамой в более взрослом возрасте (мне было 12 лет).

Только через несколько месяцев получили от нее телеграмму из Магадана. Вскоре мы узнали, что постановлением Особого совещания она вновь была осуждена на 5 лет лагерей. Временно ее жизнелюбие было подавлено. Она не понимала, за что и почему ее опять осудили. Самое страшное для нее было удаление от Москвы и длительные перерывы в переписке (зимняя навигация).

Отцу разрешили переписываться только с женой. Мама сообщала ему о нашей жизни, а нам писала о его быте. Таким образом, известия доходили через несколько месяцев, иногда больше полугода.

В 1937 году мы получили от мамы телеграмму: " Не работаю Адрес Нагаево Новый Магадан Возможен переезд Не тревожьтесь длительным промежутком известий". Промежуток оказался бесконечным... Это была последняя весточка от мамы.

Теперь я знаю, что 3 ноября 1937 года отец, Полоз Михаил Николаевич, был расстрелян в Карелии в урочище Сандормох (16 км от Медвежьегорска).

Мама, Мягкова Татьяна Ивановна, была расстреляна 17 ноября 1937 года в Магадане.

Исполнялся приказ наркома внутренних дел Н. Ежова №00445 по всем лагерям и областям о ликвидации «контрреволюционеров» с указанием количества ликвидируемых по каждой области.

Не помню, чтоб в этот период своей жизни я много об этом думала. Официально нам сообщили, что они вновь осуждены на 10 лет без права переписки. Бабушка сделала все, чтоб не фиксировать моего внимания на этой стороне нашей жизни.

Но однажды зимой я увидела необычный сон. Сон этот состоял больше из ощущений.

Сначала я ощутила себя на палубе корабля среди широкого водного пространства. В руках я держала две общие тетради в коричневых клеенчатых переплетах.

Я открыла одну из них и увидела знакомый почерк мамы. Первые фразы были очень странными. «Когда ты будешь читать эти строки, я уже буду на морском дне...» Прочла я еще несколько строк, содержания которых теперь не помню.

Затем ощущение морского простора исчезло... Меня начало охватывать чувство ужаса. Появилось представление о трубах огромного диаметра с бегущей по ним водой. Чувство ужаса нарастало, охватило все мое существо и достигло такого напряжения... что я проснулась.

Никогда в последующей жизни мне не приходилось испытывать что-нибудь похожее на леденящий животный ужас той ночи. До утра я уже не заснула. Ужас не проходил. С этого дня мысли мои постоянно возвращались к матери. Но ужас, пережитый той ночью, долгие годы не давал мне возможности с кем-либо поделиться виденным во сне.

Потом пришла война. Много было пережито и передумано. Ощущения той ночи остались только в памяти.

В 1941 году я кончила 9-й класс. Летом мы ездили рыть противотанковые рвы за Брянском. Сначала было трудно, потом появился навык. Вернулась я окрепшей и более сильной.

10-й класс я кончала в вечерней школе рабочей молодежи, днем училась на курсах медсестер. К лету 1942 года я получила аттестат зрелости и окончила курсы.

Т.к. мне еще не было 18 лет, меня направили медсестрой на военно-санитарный поезд ВСП–

194, где я проработала до конца войны. Наша бабушка была патриоткой в вопросах защиты родины. 4 внука и 2 внучки – все ушли в действующую армию. Бабушка не считала возможным нас удерживать.

Вернувшись в Москву, еще не будучи демобилизованной, я подала документы в МВТУ им. Баумана. Меня приняли без экзаменов, считаясь с моей военной формой.

Первое время учиться было очень трудно. Я за военное время все забыла, а за 10-й класс по существу ничего не знала. Но упорства у меня хватало. Дальше пошло легче, хотя учиться в Баумановском институте вообще было трудно, В 1949 году я кончала 4-й курс и дышалось уже легче.

Но... ночью 23 апреля 1949 года по лестнице раздался топот сапог и громкий стук в дверь. «Проверка паспортов». Оказалось – пришли за мной. Никто из нас ничего не понимал. Оперативники торопились и меня сразу увезли. Обыск делали уже без меня. К моей великой горечи все письма и дневники времен войны, а так же мамины письма ко мне забрали.

(Бабушка все время заставляла меня собирать и подшивать мамины письма.) Письма к бабушке не взяли и впоследствии они помогли мне познакомиться с жизнью мамы, с ее удивительной жизнестойкостью и жизнелюбием.

Меня привезли на Лубянку и я окунулась в обстановку политической режимной тюрьмы, так хорошо воспроизведенной А. Солженицыным в «Круге первом».

Я верила, как почти все туда попадавшие, что разберутся и выпустят. Поскольку мне ничего не инкриминировали кроме того, что я – дочь своих родителей, даже более опытные сокамерницы допускали, что меня освободят. Я уже ходила по камере и запоминала адреса, чтоб потом рассказать родным своих сокамерниц об участии их арестованных родственников.

После майских праздников ночью меня перевезли в Бутырскую тюрьму. Везли в закрытой машине с маленькими изолированными отделениями. Война кончилась недавно и когда заталкивали скрюченной в такое отделение, то невольно возникали воспоминания о немецких душегубках еще так недавно уничтожавших людей.

В Бутырках после обязательных в этих тюрьмах санобработки, обыска, отпечатков пальцев и т.д. я попала в камеру уже значительно большую, чем на Лубянке. Там было человек 30. Все спали на матрасах, постеленных на нарах с обеих сторон камеры.

Утром после подъема жильцы камеры начали расспрашивать, откуда я и за что. Сначала не поверили, что я только за родителей. Но тут поднялась девушка с длинной косой, как оказалось студентка МГУ, привезенная с Лубянки в ту же ночь. У нее был тот же «диагноз».

Впоследствии мы выяснили, что в ночь на 23 апреля сначала ездили за ней, но не застали ее дома, т.к. на следующий день у нее была защита диплома и она ночевала у подруги. Именно поэтому оперативники припозднились с моим арестом.

За Инной пришли прямо на защиту, и после ее окончания, не дав даже выслушать отзывы, ее увели на Лубянку.

Встреча с Инной была для меня большой удачей. Инна была уравновешеннее меня внутренне и в дальнейшем психологически очень меня поддерживала.

В последующие дни в камеру начали приводить ряд студенток, арестованных по тем же причинам. Самая маленькая и изящная из нас была Мая Петерсон, дальнейшая судьба ее была наиболее тяжелой.

В камере было много «повторниц», т.е. женщин арестованных в 1937 году и отсидевших за мужей 8–10 лет. Теперь их вновь арестовали и отправляли в ссылку в очень далекие края. Были девушки из дома моделей, попавшие за знакомство с иностранцами. Были и другие.

С Инной мы в дальнейшем двигались по камерам, а потом и по этапу (до Куйбышева) вместе. Мы рассудили, что наши дела лежали друг за дружкой. Обе получили 5 лет ссылки в Казахстан, но, к сожалению, в разные области. Дружба с ней возобновилась после нашего возвращения в Москву и продолжается до сих пор.

За время сидения на Лубянке я многое поняла. Про себя я решила, что Сталин сделал тихую революцию, и ни к какому коммунизму он не стремится.

Просидев на Лубянке, в Бутырках, проехав по этапу и пересыльным тюрьмам, я наконец в

Казахстане, где мне предстояло прожить 5 лет. Но в этот срок я уже не верила. Я слишком хорошо знала биографию своей мамы и считала, что нормальная жизнь для нас кончена. Все унижения, которые приходилось переносить в тюрьмах и этапах, для меня были нестерпимы, хоть держалась я вполне спокойно. Если бы была какая-нибудь возможность, я, не раздумывая, рассталась бы с жизнью. Но сделать это было невозможно, распорядком тюрьмы все было предусмотрено.

Такая мысль не оставляла меня и в первое время ссылки, Но, начав работать на стройке, попав в окружение нормальных людей я довольно быстро вернулась к нормальному состоянию психики и в дальнейшем жила как все ссыльные. У нас образовалась узкая компания (муж и жена Тумповские, Эрлен Федин и я). Мы могли отвести душу, высказать все свои думы. Вообще же откровенничать даже в среде ссыльных было опасно. То один, то другой ссыльный получали лагерные сроки.

Думаю, что мои прогнозы относительно дальнейшей судьбы были недалеко от истины, но смерть Сталина положила конец нашему изгнанию.

Летом 1953 года мы получили паспорта по амнистии.

Я вернулась в Москву. По всему городу были развешены объявления о том, что по вопросу работы амнистированные должны обращаться в Райсоветы. Поскольку у меня не было ни знакомых, ни советчиков, я отправилась в Райсовет и получила направление в трест 109 Главвысотстроя в качестве сметчика. Ехала я туда со сжатым сердцем. Я была уверена, что как только узнают кто я и откуда, мне сообщат, что подходящей работы нет. Из отдела кадров меня направили к начальнику технического отдела И.С. Ребортовичу. Он спросил, кем я работала и что делала, и послал оформляться в отдел кадров. Я нерешительно направилась к двери. Но Исак Соломонович, будучи человеком чутким, сразу усек мою нерешительность и потребовал: «В чем дело? Ну-ка, садитесь и все выкладывайте!» Поскольку весь его разговор был доброжелательным и приветливым, я села и выложила ему всю свою биографию. Выслушав меня, Исак Соломонович задумчиво сказал: «Да... Вы видели больше нас... Ну, вот что! Идите в отдел кадров, и если возникнет хоть какая-нибудь заминка, сейчас же возвращайтесь ко мне». Я вышла из его кабинета окрыленная. Со мной еще никто так благожелательно не разговаривал. В отделе кадров никаких заминок не было и я начала свою работу в этом тресте. Одновременно я заканчивала заочный строительный институт, т.к. идти в Баумановский институт уже не рискнула. После окончания института я работала в проектных организациях Госстроя.

Связи с Исаком Соломоновичем и его семьей я не теряла до конца его жизни.

В 1983 году я вышла на пенсию и употребила свое время на ведение хозяйства и обслуживание мужа очень много работавшего.

Хочу добавить, что за последнее время переоценка событий 1917 года и за этим последовавшего, заставили меня много думать. До сих пор я чувствую, что не все еще разложено по полочкам.